

воначально в области живописи (*живописание, живописный, живописец* и т. д. Сюда относятся и слова *картина, кисть, краска* и др.). Они проливают свет на важный вопрос о закономерностях развития вторичных значений слов, о соотношении семантически близких слов, что может содействовать уяснению системного характера словарного состава языка¹. И здесь приходится заметить, что справки в словаре даются без учета изменения значений слов. Например, в статье о слове *крылатый* в словаре как источник указан словарь Срезневского, в примерах из которого, однако, это слово употребляется в смысле «имеющий крылья». Согласно Хютль-Ворт, отвлеченное значение встречается впервые у Космы Грека (1710), затем у Тредьяковского («Тилемахида»), между тем как в словарях XVIII в. такое развитие значения слова не зафиксировано.

В предисловии к V тому сказано, что критические замечания и пожелания по случаю выхода IV тома, в частности об исторической перспективе, не могли быть целиком осуществлены в V томе; надеемся, что при подготовке следующих томов редколлегия усилит историческую сторону, чего можно достигнуть и без изменения типа словаря, но уделяя большее внимание языку писателей прошлого.

Курт Габка

M. Mayrhofer. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. — Heidelberg, Carl Winters Universitätsverlag: Bd. I (A — TH) — 1956, 570 стр.; Lf. 9—10 (D—nij-) — 1957, 160 стр.; Lf. 11 (nijāḥ — pāṣyati) — 1958, 79 стр.

Выход в свет первых одиннадцати тетрадей «Краткого этимологического словаря древнеиндийского языка» (они охватывают, видимо, около половины всего словарика) является важным событием в области *индологии* и *индоевропеистики*.

Не считая оригинальных, но в целом неприемлемых попыток ближней этимологии в древнеиндийской науке, приходится признать, что основы этимологии древнеиндийского языка были заложены в XIX в. Тогда же были предложены основные решения относительно этимологии тех или иных слов, которые и сейчас, разумеется, с соответствующими модификациями, составляют основу наших знаний о происхождении древнеиндийских слов. Бурное развитие этимологических исследований в области санскрита нашло свое выражение в фундаментальных работах А. Потта, А. Фи-

ка и прежде всего, конечно, в известном словаре К. Уленбека².

Словарь К. Уленбека появился шестьдесят лет назад, когда младограмматические принципы считались наиболее авторитетными. Естественно, что основной задачей автора было выявление индоевропейского фонда в древнеиндийской этимологии и установление словарных параллелей из других индоевропейских языков. Эта задача, если учесть, что словарь К. Уленбека претендует на краткость, для того времени была выполнена удовлетворительно. Однако очень скоро выяснилось, что дальнейший прогресс в области древнеиндийской этимологии резко замедлился или даже вовсе приостановился. Основной круг индоевропейских этимологий древнеиндийского языка был, по существу, исчерпан, и в этом направлении работа ограничивалась лишь уточнением деталей. Было установлено, что довольно значительная часть слов не имеет индоевропейских этимологий и что их нужно связывать с дравидийскими и австроазиатскими источниками, которых индоевропейцы, как правило, не знали.

Наконец, в начале XX в. в науке появились новые материалы (по хеттскому, тохарскому и др. языкам), со временем их количество увеличилось, что в свою очередь настоятельно требовало пересмотра и дополнения целого ряда древнеиндийских этимологий под новым углом зрения. Усовершенствование методов этимологического исследования вынуждало к тому же. Тем не менее в течение сорока с лишним лет в области древнеиндийской этимологии было сделано очень немногое, а все попытки создать новый этимологический словарь быстро оканчивались неудачей. Так было со словарем Э. и Ю. Лейманов³, прерванным на первом выпуске (a — jū). То же произошло со словарем В. Вюста, содержащим обширное предисловие и лишь четыре статьи (a — указательное местоимение, a — аугмент, a — привативное, a — междометие)⁴. Причины кризиса в этой области были довольно очевидными. Поэтому возникла необходимость выйти из него и определить главные направления в этимологических разысканиях с новой точки зрения.

В 30—40-х годах в основном и наметились новые пути анализа древнеиндийской этимологии. Одно из таких направлений связано с именами Т. Барроу, Ф. Б. И. Кэйпера, автора рецензируемого словаря и некоторых других ученых, которые придают большое значение анализу дравидийских и мундских элементов в древнеиндийском

² C. C. Uhlenbeck, Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache, Amsterdam, 1898—1899.

³ E. und J. Leumann, Etymologisches Wörterbuch der Sanskrit-Sprache, Lf. 1, Leipzig, 1907.

⁴ W. Wüst, Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch des Alt-Indoarischen (Altindischen), Lf. 1—3, Heidelberg, 1935.

¹ См. мою статью «О состоянии современного учения о „смысловых полях“» («Zum Stand der modernen Wortfeldforschung», «Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, Vorträge und Reden an der Philosophischen Fakultät anlässlich der 500-Jahresfeier», Jg. VI, 1956—1957, стр. 85 и сл.).

словаре (справедливости ради сюда следовало бы отнести и В. Вюста, который, как показывает предисловие к его словарю, хорошо понимал важность изучения древнеиндийских слов в связи с субстратом); их трудами вскрыт и объяснен целый слой слов, понятных лишь при учете неиндоевропейского элемента. Другое направление наиболее очевидно представлено многочисленными статьями П. Тедеско, обращающего основное внимание на среднеиндийские элементы санскритского словаря и в связи с этим — на гиперсанскритизмы. Не чужд этому направлению и М. Майрхофер. Наконец, представители третьего направления, интересуясь в основном традиционным индоевропейским слоем древнеиндийской лексики, кладут в основу анализа соединение кропотливой филологической работы, имеющей целью предельно точное определение значения слова из ряда разнородных контекстов, с широким привлечением реалий (культурно-исторических, религиозных, вещественных). Именно такие методы более всего характеризуют исследования П. Тиме.

Этимологический словарь М. Майрхофера должен был подвести итог всем этим исканиям, отразить материалы, появившиеся после словаря Уленбека, и достаточно полно представить научную литературу в области древнеиндийской этимологии (у Уленбека она полностью отсутствует). Автор словаря — М. Майрхофер — молодой немецкий ученый (род. в 1927 г.) с широким кругом научных интересов (сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков, древнеиндийский язык, язык пали, буддизм, субстрат древнеиндийского языка и т. д.). Хорошая подготовка и осведомленность в научной литературе оправдывают смелое решение М. Майрхофера взяться за составление этимологического словаря древнеиндийского языка.

Словарю предпосланы предисловие, список библиографии и введение, в котором рассматриваются различные источники древнеиндийской лексики (индоевропейский фонд, среднеиндийские элементы и заимствования). Анализ различных исторических слоев лексики сопровождается кратким описанием фонетических особенностей, собственных словам определенного происхождения.

Основные принципы составления словаря излагаются автором в предисловии. Повторяя слова Уленбека о том, что «время для этимологического словаря древнеиндийского языка, по праву носившего бы это имя, еще далеко не пришло», Майрхофер скромно называет словарь кратким, тем самым ограничивая определенным образом свои задачи. Общепринятые индоевропейские этимологии даются в словаре очень лаконично, как правило, со ссылкой на известные этимологические словари, а новые материалы, которые зачастую можно найти только в этом словаре, излагаются подробно. К их числу следует отнести древнеиндийские слова в языках Передней Азии (индийские имена митанийских царей, индийские термины

в трактате Киккули), многочисленные сопоставления с хеттскими, тохарскими, хотансакскими, согдийскими и крито-микенскими словами. Особенно много нового дает словарь в отношении выявления заимствований в древнеиндийском языке прежде всего из дравидийских и австроазиатских языков, а также из иранских, греческого и семитских языков (главным образом из арабского). В отдельных случаях сопоставления простираются вплоть до шумерского и аккадского языков [например, др.-инд. *Umā* — имя жены Рудры-Шивы; ср. шумерск. *umi* «мать»; др.-инд. *Urugulā* — имя змеи (не исключена возможность вавилонского происхождения) и некоторые др.-инд.]. Наряду с древними заимствованиями в словаре отмечаются также заимствования в санскрите позднего периода из английского и новоиндийских языков. Кстати, обратные заимствования индийских слов другими языками также не оставлены без внимания, начиная с древних времен (например, *āśmā* «камень» > кассит. *ašmi* — то же; *akāśāḥ* «пространство», «воздух» > греч. *ἄκας* «эфир») вплоть до отдельных современных заимствований английским языком новоиндийских слов, которые иногда приводятся в статьях, посвященных соответствующим древнеиндийским словам [например, др.-инд. *tāsaram* «ткацкий челнок» > хинди *tasar* «чесуча» > англ. *tussah*; др.-инд. *tālah* «вишняя пальма», ср. хинди *tārī* «пальмовое вино» > англ. *toddy*; др.-инд. *paryāṇ-kah* «ложка» > португ. *palanquin* (видимо, через посредство дравидийских языков) > франц. *palanquin*, англ. *palankeen*, нем. *Palankin* и т. д.]. Любопытно, что отмечено даже индийское заимствование в русском языке *badmā* «Seerose», *Nelumbium caspicum*, проникшее в русский через посредство уйгурского и казымкского языков.

К новым материалам относятся также многочисленные среднеиндийские данные, гиперсанскритизмы и народные этимологии, слова диалектного происхождения, некоторые интересные случаи словообразования на индийской почве, интерпретация неправильных чтений Ригведы и пр.

Рецензируемый словарь намного превосходит по своему объему словарь К. Уленбека. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в нем на букву *a* на 130 слов больше, чем в словаре Уленбека. Если для Уленбека этимология санскритских слов представляла интерес главным образом с точки зрения отражения индоевропейского наследия, то в новом словаре этимология дается с точки зрения санскрита, в связи с чем в словарь включены самые разнородные слова, засвидетельствованные в санскрите, независимо от их происхождения, причем заимствования представляют для автора не меньший интерес, чем индоевропейские слова.

К достоинствам словаря следует отнести полноту и даже некоторую избыточность словника, хотя словарь и называется кратким. В нем есть целые разряды слов, не встречающихся у Уленбека, например: собственные имена людей и богов (среди них наряду с такими распространенными в санскритской литературе именами, как *Kuntī*, *Go-*

bhila, *Nala* и др., следует отметить ряд имен, отражение которых в их «праиндийской» форме встречается среди имен митаннийских царей: *Indrotāh* — праинд. *Indaruta*, *Riādhāma* — праинд. *Artatama* и др.; названия народов (*Karṇātāh*, *Kalīṅgāh*, *Dravidāh* и др.); другие топонимические названия, многие из которых оказываются заимствованиями из языка-субстрата, например названия рек (*Gāṅga*, *Gaṇḍakī*, *Citrānadī*, *Parṇā* и др.). В объеме, значительно большем, чем у Уленбека, приводятся многочисленные названия растений (часто неиндоевропейские заимствования) и животных, названия болезней, научная терминология, заимствованная из арабского и греческого языков (например, *taravī* «квадратура» <араб. *tarbī*, *kāṁvulam* «название восьмой йоги в астрономии» <араб. *qabāl*, *āspujit* «планета Венера» <греч. *Ἀφροδίτη* и др.). Кроме того, словарь включает в себя также ряд санскритских слов (опущенных у Уленбека), возникших в результате переосмысления целых выражений, таких, как: *itihāsāh* «сказание» (<*iti-ha-āsa* «ведь так было»), *kimvadantiḥ* «слухи» (*kim-vadanti* «что говорят?») и др., а также ряд сложных слов из двух элементов. Наконец, приводятся многочисленные слова, встречающиеся только у лексикографов и не засвидетельствованные в памятниках (у Уленбека их нет).

Вполне целесообразно у М. Майрхофера построение словарной статьи. Сначала дается санскритское слово (имя в форме им. падежа ед. числа, глагол в форме 3-го лица ед. числа наст. времени), затем его немецкий и английский переводы и, наконец, объясняется его происхождение. Если слово индоевропейского происхождения, то даются выборочные индоевропейские параллели (те, которых нет у Уленбека, т. е. хеттские, тохарские, хотанские и др., приводятся обязательно) и затем следует ссылка на один из индоевропейских этимологических словарей. Если слово возникло на индийской почве, то указывается исходная форма (непроизводное слово, элемент словосложения, предполагаемая народная этимология) или же соответствующее среднеиндийское слово, послужившее основой для гиперсанскритизма. Если речь идет о заимствовании, то указывается его источник. Иногда также приведены формы данного слова (обычно у глаголов) и указаны производные слова.

Почти в каждой статье есть библиографические ссылки, и иногда словарная статья перерастает в своего рода этимологический этюд с оценкой различных новых гипотез относительно происхождения данного слова, с указанием на обширную научную литературу (особенно это относится к 9-му, 10-му и 11-му выпускам, в которых характер словаря вообще несколько меняется). Такого рода дополнительный материал (обычно он дается мелким шрифтом) весьма полезен, так как вводит читателя в круг проблем, связанных с наиболее интересными с точки зрения этимологии словами, и знакомит с современным уровнем их разработки (см., например, статьи: *gar-*

dabhāh «осел», *cārvati* «разгрызает», *duṣ* «плохой», *padāh* «тростник», *nirām* «вода», *paṇḍitāh* «ученый», *paraśūh* «топор» и др.).

Как положительную черту следует отметить то, что автор широко использует данные новоиндийских языков, полностью отсутствующие у Уленбека. Особенно часто приводятся формы из хинди, а также бенгали, непали, маратхи, гуджарати и др. Делается это в тех случаях, когда в санскрите какое-либо слово засвидетельствовано только у лексикографов, но в современных новоиндийских языках встречаются его рефлекс (например, *cukrāh* «фруктовый спирт», *trūṁpati* «ранит», *dhātī* «тряпка» и др.), или же слово засвидетельствовано в памятниках, но не имеет ясной этимологии (например, *jāṭā* «спутанные волосы», *tirthām* «место для купания», *dhūliḥ* «пыль», *pālāla* «солома» и др.). В ряде случаев этот новый материал позволяет более полно осветить историю отдельных санскритских слов.

Собственные этимологии Майрхофера немногочисленны и представляют собой обычно новые объяснения слов на индийской почве. См., например, удачное объяснение *akṣauhinī* «армия» как гиперсанскритизма из **akkhohinī* <санскр. **a-kṣobhinī*; *kīṇvam* «дрожжи» <ср.-инд. **kr̥ṇvam* (с последним связано также собственное имя *Kāṇvaḥ*); *kūṣṭha* «проказа» — перенесение названия растения *kūṣṭhaḥ*, применяемого при лечении этой болезни; *nistrīṁśah* «меч» — предположительная народная этимология какого-то заимствования, исходившая из санскр. **nis-tikṣṇa* «очень острый»; *paṇavaḥ* «вид барабана» — возможная среднеиндийская форма из санскр. *pra-naḥa* к *nāvate* с приставкой *pra* «громко звучать», «реветь»; буддийск. санскр. *paṇava* «лес» <санскр. *upa-vana* с утратой начального *u* и др.

Отличительной чертой рассматриваемого словаря является большое количество правидийских и австронезийских (последних меньше) этимологий санскритских слов, основанных большей частью на работах Барроу и Кэйпера. В одних случаях эти этимологии весьма верны, например: санскр. *tōyam* «вода» — ср. тамильск. *tōy* «быть мокрым», каннада *tō*, *tōyu* — то же¹; *dolā* «качели» — австронезийское заимствование, о чем свидетельствует префиксация *ān-dolāyati*, *hindolāḥ* и др. В других случаях они проблематичны и представляют собой лишь один из возможных путей к выяснению этимологии данного слова. Следует отметить, что в последних выпусках словаря (9-м, 10-м и 11-м) количество неиндоевропейских этимологий санскритских слов заметно уменьшилось.

Словарь, однако, не лишен и ряда существенных недостатков, которые вызывают критические замечания. Решение автора приводить, подобно Уленбеку, имена в форме им. падежа ед. числа и глаголы в форме

¹ К. Уленбек дает ряд сомнительных индоевропейских сопоставлений с этим словом.

3-го лица ед. числа наст. времени следует признать неудачным, хотя автор и отстаивает его во введении. Ведь как раз в им. падеже совпадают окончания некоторых типов основ (например, на *-a* и *-as*; на *-ā*, *-an* и *-tar*; на *-u* и *-us*; на *-i* и *-is*; на *-ī* и *-in*), поэтому взятая отдельно форма им. падежа наименее показательна. Из-за того, что слова приводятся в санджированной форме, автор вынужден в ряде случаев указывать в скобках исходную форму основы, например: *antāh* (*r*) «внутри» и *āntāh* (*s*) «конец». Что же касается глаголов, то тут выбор основы наст. времени в качестве исходной формы неудачен потому, что целый ряд корней имеет по несколько таких основ. Иногда в словаре каждой глагольной основе посвящена отдельная статья (например, *karōti* и *krñōti* от *kar*; *gāchati* и *gāmati* от *gam*) — и тогда один глагол нужно искать в словаре несколько раз, иногда же несколько основ наст. времени объединены в одной статье (например, *tārati*, *tirāti*, *turāti*, *tītati*, *tarute* от *tar*). Помимо того, что это создаст неудобства при пользовании словарем, в этимологическом словаре вообще лучше приводить глаголы в виде корней, а имена — в виде основ.

Как говорилось выше, словарь этимологического словаря богат и разнообразен. Это делает особенно важным выделение хронологических пластов санскритской лексики, с тем чтобы можно было отличить древние ведийские формы от слов эпического, классического или буддийского санскрита или заимствований.

В словаре Майрхофера такая хронологическая характеристика регулярно начинается сопровождать слова только в трех последних выпусках (9-м, 10-м и 11-м) в виде кратких помет в скобках, указывающих, начиная с какого памятника встречается данное слово. Далее для краткого словаря санскрита очень желательно было бы давать не только внешнюю этимологию слов, но и их внутреннюю этимологию, т. е. историю слов в самом языке.

В этимологическом словаре слово должно рассматриваться не как изолированная форма, а в составе определенного гнезда производных слов, т. е. должны быть указаны внутренние связи данного слова. Поэтому вызывает сомнение целесообразность выделения в особые словарные статьи ряда таких производных форм одного слова, как каузативных, пассивных, интенсивных, децидеративных глаголов от одного корня, причастия проиш. времени отглагольного имени деятеля на *-tar* (см., например, глагол *jñā-*, у которого отдельные статьи посвящены формам *jñāti*, *jñāśate*, *jñātāh*, *jñāpayati*, *jñāyāte*, *jñātā*). Лучше было бы, вероятно, приводить все эти формы в одной статье, посвященной основному глаголу, следуя гнездовому принципу составления словаря. Соблюдение этого принципа позволило бы также объединить в одну статью некоторые первичные и производные именные формы, например *devāh* и *devān*, *krātūh* и *krātumān*, *ghorāh* и *ghorātā* и др.

Следует отметить, что принцип составления словаря, принятый Майрхофером,

тоже проводится не всегда последовательно, в результате чего часто бывает неясно, каков критерий отбора слов и форм для словаря и в каких пределах словарь должен отражать формообразование и словообразование. Так, например, в качестве отдельной статьи приводится причастие *gātāh* от *gam-*, но нет статей на *krātāh* от *kar-*, *kṣuddhāh* от *ksudh-* и т. д.; есть статья на *coṣkuyāte* — интенсив от *sku-*, но нет на *dediyāte* от *dā-*, *gāniganti* от *gam-* и т. д.; дана отдельная статья о пассиве *jñāyāte* от *jñā-*, но нет статей о пассивах от большинства других глаголов. Или, например, сравнительная степень *gāriyān* дается отдельно от положительной степени *gurūh*, а *dāvīyān* вместе с *dūrāh*. Отдельные статьи посвящены некоторым приставочным глаголам (ср. *āva-bharati* или *uttārati*), в то время как от других глаголов формы с приставками не приведены.

Остается не вполне ясным принцип отбора сложных слов, встречающихся в словаре. Известная недооценка хронологического фактора сказывается в тех случаях, когда автор игнорирует некоторые сложные слова или довольно устойчивые сочетания (обычно из двух слов), находящие точные параллели в ряде других языков и, видимо, являющиеся своеобразными индоевропейскими клише. В частности, непонятно, почему отсутствуют примеры древнейших *bahuvrīhi* типа *ayuj*, сравнение которого с аналогичными образованиями, вроде греч. *ἄζυξ* (ср. также лат. *conjug*), позволяет реконструировать индоевропейский тип слов с **h-*, обладающий некоторыми архаическими особенностями. Нам кажется необходимым, чтобы в словаре нашли отражение и некоторые другие типы старых сочетаний с частицей *a-*, если только они находят параллели в других языках и являются наследием периода диалектного дробления индоевропейского праязыка. Поэтому вызывает недоумение отсутствие *ādeva-* при греч. *ἀθεός* и др. Кстати, игнорирование подобных образований не позволяет автору установить в полной мере значение привативного *a-*, поскольку остаются скрытыми процессы, которые в ряде случаев привели к переосмыслению старого сепаративного *a*¹.

М. Майрхофер не пытается исследовать случаи различного контекстного окружения того или иного слова, что сейчас должно быть признано решающим условием семантической реконструкции². Поэтому понятно и игнорирование индоевропейских фразео-

¹ См. J. Puhvel, Indo-European negative composition, «Language», vol. 29, № 1, 1953.

² См. E. Benveniste, Problèmes sémantiques de la reconstruction, «Word», vol. X, № 2—3, 1954; см. также целый ряд работ того же автора, в которых содержится анализ конкретных фактов в связи с новыми принципами. Среди этих работ особого внимания заслуживает его статья «Homophonies radicales en indo-européen» (BSLP, t. 51, fasc. 1, 1955), поскольку в ней анализируются случаи, взятые в предельно сложных условиях.

логизмов типа *śaraṇaḥ aksitam* или *iśiram manaḥ* и т. д. в новом словаре. Однако совсем трудно примириться с тем, что не учтены некоторые сложные слова, являющиеся древнейшим индоевропейским наследием и, как правило, представляющие первостепенный интерес для изучения культурно-религиозных представлений древних индоевропейцев. Ср. недавно указанную А. Хейбеком параллель к ведийск. *iśu-hasta* в греческом эпитете Артемиды *ἰσυχάστρα*¹ или приведенное М. Шеллером сравнение древнеиндийского типа *gō-agra* (ср. RV, VI, 39, 1) с греч. *βόαρχος*². То, что диалектные связи древнеиндийского словаря в труде М. Майрхофера остались в тени, неизбежно приводит к неопределенности в области хронологии.

В заключение сделаем некоторые частные замечания. Анализируя глагольный аргумент *a-*, автор несколько сужает изоглоссу этого явления, не упоминая о фригийском языке (ср. *εἰδας*). Совершенно верно М. Майрхофер отбрасывает старое сопоставление др.-инд. *amhūh* со ст.-слав. *osъ*, однако причина несогласия со старой точкой зрения остается не вполне ясной без упоминания ирл. *fés* «борода» (прусс. *wanso*).

Относительно связи *amhah* «страх» и *amhūh* «узкий» ср. вышедшую позднее богатую материалом статью И. Гонды³. Не совсем понятно, почему ст.-слав. *жъсть* сопоставлено с *amhah*, а не с *amhūh*, сходным с ним и по значению. Кстати, наиболее близкой семантической параллелью следует признать не старославянское слово, а чешское *žkost* «страх; узость».

Сопоставление др.-инд. *akam* с греч. *ἀκίτη*, *ἰκτῶ*, принимаемое Майрхофером вслед за Кэйпером, едва ли верно, так как есть основания думать, что π в указанных греческих словах восходит к и.-е. *p. С другой стороны, *akam*, видимо, нужно сравнить с арм. *ox*, алб. *keq* (*k-* исторически относится к приставке) и т. д.⁴.

Автор словаря справедливо не соглашается со старым сравнением др.-инд. *aktā* (см. RV, I, 62, 8) с индоевропейскими словами со значением «ночь» (ср. лат. *nox*) и видит в нем причастие от глагола *anōkti*. Нужно думать, что и для *aktū-* «последняя часть ночи; темнота перед рассветом» следовало бы отказаться от сравнения с индоевропейским корнем **ṛktū-* и связывать его с *andkti*, тем более что семантический переход от «мазать» к «темный» («слепой») и далее к «ночь» может быть подтвержден рядом примеров. Ввиду того, что прусское *anctan* «масло» не дает основания для предположения **ṛ*, а др.-инд. *añj-*, *andkti* как

глагол VII класса восходит к **a-n-ég-ti*, возникает отдаленная возможность сравнения с инфигированным литовским глаголом *akti*, *anka* «терять зрение» (ср. *aklas* «слепой, темный»).

Поскольку значение *akrá-* до сих пор остается очень неопределенным, трудно говорить о его этимологии. Однако, кажется, ни один из контекстов не намекает на значение, которое могло бы противоречить связи с *akra-* «бездействующий». Напротив, если принять интерпретацию этого слова А. Людвигом («Säule»), то его этимология во многом напоминала бы объяснение слова *naga* «гора», «дерево», поддержанное многими лингвистами от Панини и Випадесы до Уленбека.

М. Майрхофер, отбрасывая старое сравнение с лат. *ālea*, сопоставляет др.-инд. *akṣā* «игральная кость» с *akṣi* «глаз». В качестве семантической параллели этого не сразу очевидного перехода значений можно было бы привести русск. *очко* (термин игроков в карты или кости) при *око*.

Что касается *akṣñōti* «кастрировать», неясного Майрхоферу, то мы в качестве гипотезы предлагаем бы сравнить это слово с др.-инд. *kṣṇauti* «точить, острить», а в *a-* видеть привативную частицу. В таком случае *akṣñōti* (от соответствующего имени⁵) могло бы значить: «лишать острого»; ср. отчасти нем. *entmannen*. К др.-инд. *ajā-* после превосходной этимологии А. Янца⁶ можно теперь прибавить и слав. *жазь*.

Едва ли нужно предполагать дравидийский образец для др.-инд. *āṭati* ввиду однопозначной формы без церебрального *-ṭati*, имеющей индоевропейские связи. Сведения *ataśi-* и *āṭithi-* к *āṭati* автор должен был подкрепить словообразовательным анализом. Точно так же едва ли можно в статье об *apṛitvā-*, однажды встречающемся в Ригведе (III, 53, 24), избежать ссылки на зафиксированные в том же памятнике *abhi-pitvā-*, *āpitvā-*⁷, *prapitvā-*. Без учета распределения корня *pitvā-* вряд ли удастся установить значение ведийского *āpāṣ* *λεγόμενον apṛitvā-*.

Одно из интереснейших и до сих пор еще не совсем ясных ведийских слов — *ap-sarās* «ансары, род нимф»⁸. Легко можно

⁵ Оно было бы родственно литов. *skuja* и соответствующему славянскому слову.

⁶ См. ZfsIph, Bd. XVIII, Hf. 1, 1942.

⁷ Речь идет об *āpitvā-* (RV, VIII, 4, 3), противопоставленном *prapitvā* и опущенном М. Майрхофером, а не об *āpitvā-* «дружба».

⁸ Исключительное значение эпизодов, в которых участвуют ансары, для выявления следов матриархальных отношений в ведийском обществе недавно подчеркнул Э. Герольд. См. E. Herold, Group-marriage in Vedic society, AO, XXIII, 1—2, 1955, стр. 63—76 (особое внимание обращается на известный гимн об Урваси (RV, X, 95) и связанное с ним место из Шатанатхабрахманы (XI, 5, 1); ср. также D. D. Kosambi, Purūras and Urvāṣi, «Journ. of the Bombay branch of the Royal asiatic society», vol. 27, 1951).

¹ A. Heubeck, «Artemis ἰσυχάστρα», BzNf, Bd. 7, Hf. 3, 1956.

² M. Scheller, τριτοια βόαρχος, KZ, Bd. 74, Hf. 3—4, 1956.

³ J. Gonda, The Vedic concept of *amhas*, «Indo-Iranian journal», vol. I, № 1, s'Gravenhage, 1957.

⁴ См. В. Соп, Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. I, KZ, Bd. 74, Hf. 3—4, 1956.

согласиться с М. Майрхофером и рядом других ученых, по мнению которых очень важной является ассоциация с названием воды *ар*. Для известного периода дело обстоит именно так. Однако наличие таких слов, как *psárus* и *mádhū-psaras*, заставляет предполагать возможную народную этимологию и, во всяком случае, не упускать из виду старое объяснение *apsarás* из **a-psarás* (**a-bhs-ara-* при **bhas-*, ср. *bābhasti*, *psāti* и т. д.), даже не упомянутое автором рецензируемого словаря.

В статье, посвященной *abhi*, имелось смысл указать на реликты старого значения этого предлога, просвечивающего кое-где в композитах (ср., например, *abhirāṇ-gāh* и др.). Здесь же весьма неточно указаны значения слав. *объ* «ап, gegen».

Не можем согласиться и со сравнением *āraṇaḥ* с др.-лат. *ollus* или ст.-слав. *лани*. Более удачным кажется нам предположение о связи *āraṇaḥ* и других относящихся сюда форм с паречным корнем **ar-*, обозначающим некогда, видимо, что-то вроде «все, снаружки; далеко, в стороне» и т. д. Несомненно, что такой круг значений никак не противоречит установленному П. Тиме¹ общему значению др.-инд. *arī-* «Fremdling».

Кроме того, приняв корень **ar*, можно бы было связать *āraṇa-* не только с *arī-*, *ārāt*, *ārya-*, но и с *arvāñs*². Наличие в самом древнеиндийском языке наречий *āre* «вдали», *ārāt* «издали», а также довольно многочисленных параллели из других языков (ср. литов. *oriā*, *orañ*, латыш. *āran*, возможно, иероглифич. хет. *ara-* и лув. *ar(r)ai-* «длинный», тохар. *aryu-* с тем же значением, а также более отдаленные как в фонетическом, так и в семантическом отношении слова) делают особенно вероятным наше предположение.

Нельзя ли не объясненное М. Майрхофером *ārīsa* «сердце» связать с *arāyati* — каузатив от *ṛnōti* «двигаться, подниматься» (причастие прош. времени *arṇita-*, *-sa* — известный суффикс)? В статье *āvi-* «овца» пропущено иероглифич. хет. *hauias*.

Предположение, согласно которому в названии реки *Aśvarathā* можно видеть эквивалент лат. *aqua*, кажется нам невероятным. Более целесообразно, вероятно, вспомнить о многочисленных «лошадиных» гидронимах с указанным корнем (ср. литов. *Aška*, русск. *Освея* и т. д.); к тому же *rātha-* «колесница» лучше, естественно, согласуется с *āśva-* «лошадь». Убедитель-

ность этимологии слова *asinvā* (ср. и.-е. **sā-: *sa-*) стала бы еще более очевидной, если бы автор привел словообразовательные параллели типа *pinvant-* при *pā-*.

Непонятно, почему, анализируя др.-инд. *ā* «близ» и т. д., автор не упоминает известного со времени Ф. Фреде и И. Шмидта сравнения с лат. *ā* «от», много дающего для уточнения семантики этого слова³. При объяснении др.-инд. *ādī-* «начало» напрашивается сравнение с литов. *pradžīū* «начало» (из **pra-dī ā*). Не указано одно из основных значений слова *indriyā-* «органы чувств».

К анализу др.-инд. *iṣirā* теперь следовало бы привлечь и соответствующее слово из текстов линейарного В, рассмотренное Л. Р. Палмером (между прочим, в связи с *iṣirā-*)⁴.

Приведенное в словаре сравнение др.-инд. *īśe* со слав. *istъ* (вслед за Стангом) кажется, не вполне убедительно, поскольку к первоначальное значение *istъ* (тот же тот самый, именно тот) отличается от того, из которого исходят Станг и Майрхофер («wahr», «echt»). Поэтому более целесообразным, видимо, пужно считать сравнение с лат. *iste*.

Мало удачно сравнение др.-инд. *ṛghā-yāti* с литов. *aržūs*. И в фонетическом, и в семантическом отношении гораздо более подходит литов. *iržūs*, *iržūs*, *iržūs*, *iržti*, *erzinti* (ср. также *erzant-* в восточнославянских языках). Естественно, что эти параллели еще более точно подходят к др.-инд. *ṛjyati*, с которым М. Майрхофер сопоставляет ряд крайне неубедительных форм из разных языков.

Не вполне понятное *-v-* в др.-инд. *ēva-* могло бы быть объяснено в духе Я. С. Отрембского⁵.

Для слова *kātara* «растерянный, лишенный мужества» предлагается довольно проблематичное объяснение из *katarā* «которое из двух» (предполагается: «должно сделать»). Может быть, более вероятным был бы анализ *kā-tara* «плохо преодолевающий, слабо активный», при котором принимается пейоративное местоименное *kā-* (ср. *kā-furusa* «трус, негодяй», собственно, «плохой человек»), и *-tara-* «достигающий, преодолевающий, побеждающий» (ср. образования типа *druham-tara-* «побеждающий чудовище», древность которого засвидетельствована Ригведой)⁶.

³ См. также Е. Н. Sturtevant, Sanskrit *ā* «near» is cognate with Latin *ā* «from», «Language», vol. 15, № 3, 1939.

⁴ См. L. R. Palmer, A Mycenaean calendar of offerings (PY Kn 02), «Eranos», vol. LIII, fasc. 1—2, 1955.

⁵ См. J. Otrębski, Les traces de l'alternance indo-européenne *i:u* en hittite, AO, vol. 18, № 1—2, 1950, стр. 366—372.

⁶ Относительно значения *-lar* см. P. Thieme, Studien zur indogermanischen Wortkunde und Religionsgeschichte («Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akad. der Wissenschaften zu Leipzig», Phil.-hist. Klasse, XCVIII, 5), Berlin, 1952, стр. 5—11.

¹ P. Thieme, Der Fremdling im Rgveda. Eine Studie über die Bedeutung der Worte *ari*, *arya*, *aryaman* und *ārya*, Leipzig, 1938. См. также недавнее дополнение В. И. Абаева («Из истории слов. Вел. инд. *arī-*, осетинское *æscægælon*», ВЯ, 1958, № 2).

² Расширитель корня *-v-* встречается и в других, видимо, сюда относящихся словах; ср. ст.-слав. *равнъ* из **arvāñs* (**arv-in-*). Древности указанных слов подтверждалась бы и чередованием **ar-ū-: *ar-i-*.

Глагол *churáti* «трогает, касается» обычно сопоставляют с гот. (*af-skiuban*, др.-в.-нем. *sciopan*). Из-за фонетических соображений М. Майрхофер сомневается в правильности подобного сопоставления (германские примеры предполагают старое *-bh-*); добавим, что и с точки зрения семантики германские параллели небезупречны. Более убедительным представляется сравнение с русск. *щупать* (ср. также соответствующие формы других славянских языков), поскольку и *churáti*, и *щупать* могут быть возведены к **sk'eup-*. Сопоставление др.-инд. *carú* со слав. *kory* (*to*), предложенное К. Мошинским, видимо, осталось неизвестным М. Майрхоферу, хотя, конечно, оно не может считаться достаточно убедительным.

Непосредственное сравнение др.-инд. *táskara* «вор, разбойник» с русск. *тащить*, *тащить* едва ли правильно ввиду чеш. *tasiti*, заставляющего предполагать некогда существовавшее отношение **ta-*: **ta-s-*: **ta-sk*. Если бы *-s-* в древнеиндийском слове оказалось расширителем более обычного корня **ta-* «таить, воровать», то было

бы соблазнительно *táskara* интерпретировать как «совершающий воровство».

Наиболее близкую параллель к др.-инд. *dávati*, вероятно, следует искать в литов. *-dava-*, употребляющемся для образования прошедшего многократного.

Обычно М. Майрхофер указывает так называемые «ритмические» дублеты, однако в некоторых случаях такие указания отсутствуют; ср. *dhvānati* — *svānati* с одним и тем же значением или *dingara* — *kinkara* (*kin-kara*) «слуга», вовсе не помещенное в словарь.

Упущения в этимологической литературе у М. Майрхофера ничтожны. Количество опечаток также невелико (ср. *ogľ* вместо *qgl*, *kēras* вместо *kēras* и т. д.). В целом же, несмотря на известные недостатки, «Краткий этимологический словарь санскрита» представляет собой весьма полезное пособие; остается надеяться на скорый выход в свет последующих тетрадей словаря М. Майрхофера.

(12-й вып. словаря вышел из печати после сдачи рецензии в набор. — Т. Е.)

Т. Я. Елизаренкова, В. Н. Топоров

«Эйгогаку дзитэн», [сост.] Итикава Санки. — [Изд-во] «Кэнкюся», Токё, 1956 («The Kenkyusha dictionary of English philology», edited by Sanki Ichikawa, Tokyo, 1956). 1188 стр.

Издательство «Кэнкюся» — одно из крупнейших издательств в Японии — уже давно издает японско-английские и англо-японские словари. Таких словарей к настоящему времени издано очень много и притом всяких типов, в зависимости от размера (от полных до карманных), от характера (для общего употребления и различных учебных), от назначения (общих и специальных-практических), от содержания (отраслевые словари). Изданы обширный англо-японский фразеологический словарь, англо-американо-японский литературный словарь и др. Следует отметить, что все эти словари создаются самим издательством, имеющим постоянно действующий аппарат: компетентных лексикографов, которые непрерывно работают над подготовкой дополненных и улучшенных изданий уже выпущенных словарей, а также подготавливают новые. Такая обширная деятельность объясняется тем особым местом, которое занимает в японской культуре английский язык: главным образом через этот язык японцы знакомятся с европейской и американской наукой, техникой, литературой; очень большое число английских слов вошло в лексический состав современного японского языка.

Все это побудило издательство создать фундаментальное пособие для людей, имеющих дело с английским языком. Это посо-

бие выпущено в виде обширного «Словаря английской филологии». Редактором словаря является один из крупнейших английстов Японии — проф. Санки Итикава. Этот монументальный труд значительно шире своего названия; его правильнее было бы именовать «Энциклопедией общего языкознания и английской филологии, с включением методики преподавания иностранных языков и других аспектов прикладной лингвистики». Категории общего языкознания представлены в книге очень широко. См., например, такие термины, как *алфавит*, *международный язык*, *языковое изменение*, *лингвистическая география*, *классификация языков*, *палеография*, *части речи*, *фонема*, *фонология*, *фонометрия*, *фонетический закон*, *происхождение языка*, *классификация языков*, *язык жестов*, *грамматика*, *грамматическая категория*, *внутренняя языковая форма*, *язык и речь*, *семантика*, *семантическое изменение*, *теория субстрата*, *теория воли* и др. Подробно, в специальных статьях разъясняется устройство органов речи; например, см.: *гортань*, *альвеолы*, *легкие*, *десны*, *диафрагма*, *дыхание*, *спинка языка* и проч., а также освещаются различные методы фонетического и антропофонического исследования (ср. *автоларингоскопия*, *осциллограф*, *палатограмма*, *кимограф*, *искусственное нёбо* и т. п.), разные методы и понятия, связанные с изучением и преподаванием иностранных языков (например, *метод Берлица*, *метод Гуэна*, *интенсивное чтение*, *вопросы и ответы*, *подстановочные таблицы*, *адаптация текстов*, *выбор словаря* и др.), разнообразные термины из области метрики